

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Анализируется история становления и развития монголоведения в Российской империи. Рассмотрены достижения основных российских научных школ монголоведения, роль отдельных ученых в их становлении. Особое внимание уделено научному вкладу Русской православной духовной миссии в Китае, значение которого высоко оценивает китайская историография.

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ; ИСТОРИОГРАФИЯ; РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ; РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ; КИТАЙ.

В 1230–1240-х гг. русские земли были завоеваны армией Чингисидов и стали частью огромной Монгольской империи. Около 200 лет Русь находилась в орбите влияния Золотой Орды (Улус Джучи, *тюрк.* Улу Улус – «Великое государство»). Монгольский период оказал позитивное воздействие на сближение Руси с Востоком. Известный русский философ Н.А. Бердяев в монографии «Русская идея» писал: «Русским людям давно уже было свойственно чувство, скорее чувство, чем сознание, что Россия имеет особенную судьбу, что русский народ – народ особенный. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Русская нация не склонна к национализму, и даже напротив, мы лишены национальной гордости... Миссия нашей страны – стать связующим центром между Азией и Европой» [1, с. 24]. Это утверждение вызвало ожесточенную дискуссию в научных и политических кругах. Российские историки назвали этот период системой зависимости русских земель от ордынских ханов. Сегодня с этим понятием соглашаются многие китайские историки, считая, что Россия является наследницей Золотой Орды.

В 1223 г. на берегах реки Калки Русь впервые столкнулась с монголами, иначе именуемыми татарами, и русско-половецкое войско в этой битве потерпело поражение от армии Субэдея. Русскую Лаврентьевскую летопись, где упомянута битва на Калке, можно рассматривать как первую историческую запись о монголах в Древней Руси [2, с. 23]. В 1237–1238 гг. русские земли переживают разрушительное нашествие Батыевой рати. Эти события были подробно описаны во многих русских летописях, а Батый стал одним из наиболее часто упоминаемых в них монголов. Кроме того, в летописи включены такие исторические свидетельства, как послания русских князей Ярослава Всеволодовича, Даниила Галицкого, Михаила Черниговского, Андрея Ярославича, Александра Ярославича (Невского) Золотой Орде, легендарные сказания, например «Сказание об убийстве в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» [3, с. 13].

Русские земли, по мере их включения в податную территорию Золотой Орды, стали ареалом распространения тюркского языка.

В конце XV в. Москва освободилась от даннической зависимости от Большой Орды

хана Ахмата и постепенно начала расширять свою территорию на восток. В XVII–XVIII вв. русские переселенцы осваивают Сибирь, параллельно российское правительство начинает регулярно отправлять миссии в Китай. В материалах Русской православной духовной миссии в Пекине сохранились сведения об общении с монгольскими племенами [4, с. 6]. Например, они имеются в дневниковых описаниях путешествий сибирских переселенцев, которые побывали на западе пустыни, у ойратов, и на севере пустыни, у халха-монголов. Их доклад был представлен царю. Также сохранились отчеты российских посольств в Китай, путешествовавших через Монголию (например, посольство Н.Г. Спафария в 1675 г.).

В 1731 г. приволжские калмыки, которые кочевали от восточных предгорий Тянь-Шаня до тихоокеанских берегов, стали «вечными подданными» Российской империи. С этого времени монгольский язык стал одним из языков ее национальных меньшинств, необходимым в управлении восточными окраинами.

С другой стороны, в XVII в. Монголия была включена в состав китайской империи Цин. В результате территориального расширения двух империй между Россией и Китаем впервые появилось общее приграничное пространство. Именно монгольское плато стало маршрутом проезда Русской православной духовной миссии в Китай (обычно проезд через Монголию в одну сторону занимал в то время около двух месяцев).

Монгольский язык стал официальным и самым удобным языком в переговорах между двумя странами, именно на этом языке написаны сохранившиеся свидетельства о многих исторических событиях русско-китайских отношений.

Первоначально Посольский приказ – российское центральное правительственное учреждение, ведавшее, в частности, сношениями с иностранными государствами, – не имел хороших русских переводчиков с монгольского языка. Эти функции выполняли татары и буряты, которые занимались торговлей с Монголией. В 1679 г. в Посольский приказ был приглашен в качестве переводчика поляк, понимавший монгольский и калмыцкий языки [5, с. 2].

По инициативе Петра I в 1707 и 1719 гг. в Монголию были направлены две группы уча-

щихся из Сибирской церковной школы. Перед ними стояла задача изучения основ теории буддизма и монгольского языка.

Впоследствии в Санкт-Петербурге, Москве, во многих городах Сибири были созданы школы монгольского языка. В 1725 г. в Иркутске (Сибирская губерния) открылась первая школа, где изучался монгольский язык. В конце XVIII в. такие школы появились в Селенгинске, Троицкосавске (Кяхте), Верхнеудинске (Улан-Удэ), Нерчинске [6]. Основная функция этих школ заключалась в подготовке переводчиков для обслуживания связей между Россией и Монголией.

Петр I уделял большое внимание развитию дипломатических отношений со странами Восточной Азии. Российское государство начало поддерживать научные исследования восточных культур. Первым шагом на этом пути в 1700 г. стал приказ Петра I о подготовке первой Русской православной духовной миссии в империю Цин [7, с. 95]. На представителей миссии возлагалась ответственность за установление дипломатических отношений с Пекином. Первоочередной задачей было также изучение восточных языков: китайского, монгольского, тибетского, маньчжурского и др. Так началась новая веха в становлении российского востоковедения. Первые переводы китайских летописей по монгольской истории на русский язык стали поворотным пунктом в изучении духовного наследия народов Востока.

С 1716 по 1933 г. из России в Китай было отправлено 20 миссий и свыше 200 проповедников. Деятельность Русской православной духовной миссии в Пекине продолжалась до 1956 г. Миссия внесла огромный вклад в формирование и развитие российской школы китаеведения, монголоведения, тибетологии и маньчжуроведения.

В XIX в. Русская православная духовная миссия в Китае оказала большое влияние на развитие монголоведения. Священнослужителями миссии стали первыми монголо- и китаеведами в России. Они занимались переводами на русский язык истории Монголии из китайских исторических источников, изучали монгольскую историю и этнос. Яркий след в истории российской науки оставил Н.Я. Бичурин – архимандрит Иакинф (1777–1853) [8, с. 5]. Он привез в Россию труды по монгольской исто-

рии, написанные китайскими учеными-летописцами. Бичурин перевел китайские летописи и опубликовал четыре крупнейшие работы по истории, этнографии и географии Монголии — «Записки о Монголии», «История первых четырех ханов из дома Чингисова», «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» [9, с. 34–36].

Столь же заметной личностью был архимандрит Палладий — П.И. Кафаров (1817–1878) [10, с. 3]. Его переводы китайских летописей по монгольской истории для российских историков бесценны. Кафаров внес большой вклад в развитие российского востоковедения. Особый интерес представляют его работы «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» (1866), «Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия» (1867), «Старинное китайское сказание о Чингисхане: Шэн-ву-цин-чжэн-лу (Описание личных походов священно-воинственного)» (1877) и «Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.» (1892).

Стоит упомянуть также члена Русской православной духовной миссии в Китае С.В. Липовцева, который перевел с маньчжурского языка на русский «Закон министерства управления монгольскими делами Цинского правительства» [11, с. 12–15] (перевод опубликован в 1828 г.). В том же году дипломат и китаевед А.В. Попов издал книгу «Путешествия по Монголии». Немало священнослужителей миссии также оставили свои дневники путешествий через Монголию.

Академик Я.И. Шмидт (1779–1847), работавший в Санкт-Петербургском университете, внес огромный вклад не только в российское, но и в мировое монголоведение. Как автор «Монгольской грамматики» и словаря Шмидт поднял исследования монгольской истории и филологии на новый качественный уровень, но после его кончины уровень монголоведения в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге стал постепенно снижаться [12, с. 140–150]. Центр монголоведения в России переместился на кафедру монгольского языка Казанского университета, где постепенно начала формироваться своя научная школа, которая получила название «казанской».

Вначале кафедра монгольского языка Казанского университета являлась единственным специализированным научным учреждением этого профиля в Европе. С момента своего создания она сыграла важную роль в развитии в России как монголоведения, так и востоковедения в целом. Организатором и руководителем кафедры стал один из выдающихся ученых-монголоведов России XIX в. — О.М. Ковалевский (1801–1878) [13, с. 23] (студент одиннадцатой Русской православной духовной миссии в Китае). Среди многочисленных заслуг Ковалевского необходимо отметить создание им трехтомного монгольско-русско-французского словаря (1844–1849). Это стало крупнейшим общественным и научным событием. Глубокий след в изучении монгольской истории оставила также педагогическая и научная деятельность преподавателей кафедры А.В. Попова и Г. Гомбоева. Кафедра просуществовала всего 23 года, но за это время здесь была подготовлена целая плеяда ученых-монголоведов: В.П. Васильев, А.А. Бобровников, К.Ф. Голстунский, Д. Банзаров и др.

В.П. Васильев после окончания Казанского университета стал студентом Русской православной духовной миссии в Китае. С 1840 по 1850 г. он постоянно проживал в Пекине, где сосредоточенно изучал буддийскую литературу на монгольских диалектах. Васильев также активно собирал китайские, маньчжурские, монгольские и тибетские книги. В настоящее время эти рукописи хранятся в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета. Труды В.П. Васильева и его вклад в развитие российского востоковедения послужили основанием для присвоения ему звания академика Петербургской академии наук и основателя российского китаеведения [14].

В Казани, кроме кафедры монгольского языка при университете, существовала церковная школа, где в 1845 г. монгольский язык был включен в учебный план. А.А. Бобровников, первый учитель монгольского языка, написал знаменитый учебник «Грамматика монгольского и калмыцкого языков» (1849). В начале XX в. в работе казанской церковной школы участвовал глава семнадцатой Русской православной духовной миссии в Китае архимандрит Амфилохий — А. Лутовинов (ум. 1905), а также другие священники. Несомненно, что их приход в эту школу усилил педагогический коллектив

и способствовал высокому качеству обучения монгольскому языку. Однако этот период был очень кратким, поскольку образовательная деятельность школы была приостановлена в советский период – в 1920 г. [15].

В 1854 г. по приказу правительства Казанский университет прекратил исследования восточных языков, а в 1855 г. центр монголоведения был перенесен на кафедру монгольской и калмыцкой словесности факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Туда был отправлен литературный фонд восточных языков, многие преподаватели также переехали в город на Неве. Так восточный факультет Санкт-Петербургского университета стал одним из крупнейших центров монголоведения в России и продолжает оставаться таковым до сих пор.

Изначально на факультете восточных языков подготовка велась по четырем специальностям. Первым заведующим кафедрой монгольской и калмыцкой словесности был А.В. Попов, ранее профессор Казанского уни-

верситета, студент седьмой Русской православной духовной миссии в Китае. С 1860 по 1899 гг. на кафедре преподавал, а с 1884 по 1889 г. был завкафедрой профессор К.Ф. Голстунский, студент шестнадцатой Русской православной духовной миссии в Китае, известный эксперт в области монголоведения. Он внес большой вклад в перевод национальных эпосов «Джангар» и «Гэсэр», составил «Монголо-ойратские законы». Помимо этого фундаментального труда величайшей заслугой Голстунского является написание трехтомного «Монгольско-русского словаря» [12, с. 153–154].

Таким образом, можно констатировать, что становление российского монголоведения было неразрывно связано с Русской православной духовной миссией в Китае, роль которой в его развитии колоссальна.

Первые ученые-монголоведы, «вышедшие» из Русской православной духовной миссии в Китае, открыли для российской науки новое поле для филологических изысканий в области монгольского языка и монгольских диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Сварог и К, 1997. 324 с.
2. Ду Мань. Бичурин – один из основателей востоковедения в России // Историческая проблема. 1953.
3. Ци Чичжунь. Народы в истории Золотой Орды // Вестн. Ун-та Внутренней Монголии. 1996. № 2.
4. Ли Гуанхуа. Историческое развитие взаимоотношений между монголами и русскими // Вестн. Синьцзянского ун-та. 2001. № 1.
5. Чжоу Лиян. Монголоведение в Российской империи // Вестн. Хейлуцзянского ун-та. 2003. № 4.
6. Хохлов А.Н. Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае (некоторые вопросы источниковедения) // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 53–72.
7. Щань Гуаньин. Русская православная духовная миссия и ее роль в дипломатических отношениях между Китаем и Россией // Вестн. Цицикарского пед. ун-та. 1983. № 3.
8. Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 42. № 2.
9. Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения): матер. конф. / сост. и ред. А.Н. Хохлов. Ч. 1–2. М., 1977.
10. Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 41. № 5.
11. Сяо Юйчунь. История Русской православной церкви в Китае. Пекин: Шань у, 2001.
12. Шубина С.А. Роль членов Российской духовной миссии в Пекине в развитии востоковедного образования в России // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. Междунар. научн. конф. Вып. 1. Ярославль, 1994.
13. Полянская О.Н. Дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833 гг.). «Дневник занятий за 1832 г.» – источник по истории народов Внутренней Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012.
14. Ипатова А.С. Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // Востоковедение и мировая культура (К 80-летию акад. Тихвинского): сб. ст. М., 1998. С. 202–233.
15. Ипатова А.С. Российская духовная миссия в Китае: век двадцатый // История Российской духовной миссии в Китае: сб. ст. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997. 415 с. С. 281–317.

Wang Qi

THE BEGINNING OF MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA (XVIII–XIX CENTURIES)

The article dwells on the history of formation and development of Mongolian studies in the Russian Empire. The author claims the formation key scientific schools of Russian Mongolian studies, their achievement, the role of prominent scientists. The author highlighted the outstanding scientific contribution of the Russian Orthodox spiritual mission in China, highly appreciated by contemporary Chinese historiography.

MONGOLIAN STUDIES; HISTORIOGRAPHY; RUSSIAN EMPIRE; THE RUSSIAN ORTHODOX SPIRITUAL MISSION; CHINA.

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. Russian idea. Moscow, Svarog K Publ., 1997. 324 p. (In Russ.)
2. Du Man. [One of Founders of Russian Oriental Studies]. *The historical problem*, 1953.
3. Tsi Chichzhun. [Who Were Subjects of The Golden Horde in History]. *Journal of Inner Mongolia Univ.*, 1996, no. 2.
4. Li Guankhua. [Studies on the Development of Exchange History between Russian and Mongolian]. *Journal of Xinjiang Univ.*, 2001, no. 1.
5. Chzhou Liyan. [Study of Tsarist Russia Mongolia]. *Journal of Heilongjiang Univ.*, 2003, no. 4.
6. Khokhlov A.N. [N.Y. Bichurin and His Works about Mongolia and China. (Some of the issues of source)]. *Questions of history*, 1978, no. 1, pp. 53–72. (In Russ.)
7. Shchan Guanin. [Effects of Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China in the Diplomatic Relationships between China and Russia]. *Journal of Qiqihar Normal Univ.*, 1983, no. 3.
8. [Ministry of Education Journal], 1851, pt. 42, no. 2. (In Russ.)
9. [N.Ya. Bichurin and His Contributions on Russian Oriental Studies (200th Anniversary)]. Materials of the Conf. Pt. 1–2. Moscow, 1977. (In Russ.)
10. [Ministry of Education Journal], 1851, pt. 41, no. 5. (In Russ.)
11. Syao Yuichun. [The History of Orthodox Eastern Church in China]. Publishing Shang Wu, 2001.
12. Shubina S.A. [The Role of Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China in the Development of Russian Oriental Studies]. *Higher education in Russia: History, Problems and Opportunities / Collected Abstracts of Thesis Int. Seminar. Of pt. 1. Yaroslavl'*, 1994. (In Russ.)
13. Polyanskaya O.N. [Scholar in Mongolia O.M. Kovalevski's Remaining Note 1828 to 1833. Class Teaching Plan about Asia Internal National History]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2012. (In Russ.)
14. Ipatova A.S. [The Status of Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China in Russia-China Relationship History]. *Oriental Studies and World Culture. Memory of Academician Tikhvinskiy 80th Birthday*. Moscow, 1998. Pp. 202–233. (In Russ.)
15. Ipatova A.S. [20th Century: Russian Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China]. *Orthodox Eastern Church Diplomatic Corps to China*. Moscow, Brotherhood of St. Vladimir Publ., 1997. Pp. 281–317. (In Russ.)

WANG Qi – Tsinghua University, Beijing, China.
e-mail: mzlwangqi@163.com